

Медвежонок не хотел с него слезать. Цзян Сяои, отчаявшись и в то же время с долей сомнения, отнёс его в свою комнату. Едва он опустил его на кровать, как медвежонок, перебирая лапами, быстро забрался вглубь и... улёгся.

Ночи в горах бывали прохладными. Цзян Сяои мёрз, поэтому в изголовье у него лежало старое одеяло. Оно было не толстым, а довольно тонким, и, судя по всему, служило уже много лет — изрядно поношенное, но чистое и пахло цзаоцзя.

Цзян Сяои увидел, как медвежонок, полежав немного, снова сел, схватил одеяло, встряхнул его, накрыл свой животик, закрыл глаза, аккуратно сложил лапки на животе, и на его мордочке появилось умиротворённое выражение, словно он был готов спокойно отойти в мир иной.

Цзян Сяои смотрел на это, разинув рот от изумления.

Цзян Сяосань прибежал в комнату и, увидев, что медвежонок спит, хотел было залезть на кровать, чтобы забрать его, но Цзян Сяои внезапно остановил его, сказав, что пусть медвежонок спит в его комнате.

Брат тоже хотел спать с мишкой.

Цзян Сяосань очень любил брата. Днём он мог играть с мишкой, а брат был так занят, что у него совсем не было времени. Пусть тогда мишка ночью будет с братом.

Он шмыгнув носом и снова убежал в свою комнату.

Закрыв дверь, Цзян Сяои забрался на кровать и попробовал обнять Бай Цзыму. Ещё в первый день он понял, что медвежонок был пушистым и мягким, невероятно приятным на ощупь. Сейчас, ощущая под рукой тёплое тельце, он почувствовал странное умиротворение. Убедившись, что тот не двигается, Цзян Сяои улыбнулся.

Ему не было жарко, он просто обнял Бай Цзыму и заснул. Он не храпел и не пускал длинные сопли. Бай Цзыму приоткрыл один глаз, посмотрел на него. От него приятно пахло, и, хоть он и казался худым, почти костлявым, его грудь не была жёсткой, а на руке было удобно лежать.

Лунный свет, проникавший через окно, был мягким, как вода. В этом слабом свете Цзян Сяои, закрыв глаза, не выглядел таким суровым, как днём. Он дышал медленно и глубоко, его лицо в лунном свете казалось мягким и тёплым.

Цзян Сяои, хоть и был немного смуглым, был довольно красив. У него были миндалевидные глаза, и когда он улыбался, уголки его глаз изгибались, а на щеках появлялись две неглубокие

ямочки. Это было милое и доброе лицо.

Сейчас Бай Цзыму даже находил его симпатичным.

...

На следующее утро, едва рассвело, Чжан Дая, взяв тыкву-горлянку, несколько яиц и полкорзины овощей, с улыбкой отправилась в дом своих родителей. Подойдя к дому, она закричала:

— Папа, мама, я вернулась!

Госпожа Чжан кормила свиней на заднем дворе. Услышав голос Чжан Дая, она на мгновение замерла, и только когда та крикнула снова, опомнилась и выбежала со двора.

— Дая?

— Мама.

— И правда ты, — улыбнулась госпожа Чжан, но, вспомнив о чём-то, тут же потянула её за собой. — Ты чего вдруг приехала?

Деревня Сяошань и деревня Люцзян были недалеко друг от друга, но Чжан Дая приехала не в праздник. Это заставило госпожу Чжан забеспокоиться.

Если что-то случилось, то почему, когда зять приходил позавчера, он говорил, что дома всё в порядке, только заняты посадкой сои.

— Ты что, с парнем из семьи Цзян поругалась? — нахмурившись, спросила она.

— Нет, — Чжан Дая протянула ей яйца и вино. — Муж ко мне хорошо относится. Если бы мы поссорились, я бы с пустыми руками не приехала. А где папа и младший брат? — дома была только госпожа Чжан.

— Они в поле ушли. Отец твой хочет посадить немного батата, чтобы в следующем году вино гнать.

Семья Чжан жила лучше, чем семья Цзян. Яйцами госпожу Чжан было не удивить, но семья Цзян была бедной, и то, что они позволили Чжан Дая привезти такие подарки, говорило о том, что её ценят.

Когда Чжан Дая не могла выйти замуж, обычный выкуп за невесту составлял три-четыре лян. К тому же нужно было оплатить сваху и свадебный пир. Все эти расходы были непосильны для многих бедных семей. Госпожа Чжан в отчаянии объявила, что отдаст дочь всего за два лян выкупа. Сразу же появилось много женихов, но она знала, что все они позарились на низкий выкуп, а не на её дочь. Это были люди из деревни, у которых не было выбора.

В итоге она выбрала семью Цзян. Хотя она и разузнала всё заранее, всё равно время от времени беспокоилась.

Теперь, видя, что у Чжан Дая всё хорошо, что её не обижают, она наконец успокоилась.

Она с улыбкой взяла подарки и повела Чжан Дая в дом.

— В следующий раз приезжай так, ничего не привози, у нас всего хватает. Кстати, зачем ты приехала?

Скрывать было нечего, и Чжан Дая рассказала:

— Я слышала, что двоюродный брат Лю ищет невесту. У моего мужа есть двоюродный брат, который как раз ещё не женат. Я приехала, чтобы поговорить с тётёй, может, что-то и получится.

— О ком ты? — спросила госпожа Чжан, откладывая вещи. — О том, что из семьи твоего второго дяди, как его... Чжу гэ'эр? Не слишком ли он мал? Я видела его в прошлый раз, ему на вид лет тринадцать-четырнадцать. Не рановато ли?

В деревне выходили замуж рано, бывало, и в тринадцать-четырнадцать лет, но это было редкостью. В основном замуж выходили в шестнадцать-семнадцать. Если родители любили ребёнка, они старались подольше подержать его при себе.

В прошлый раз, во время сбора кукурузы, двоюродная бабушка упала в поле. Парень, прибежавший с новостью, толком ничего не объяснил. Двоюродной бабушке было под семьдесят, и госпожа Чжан, испугавшись, что случилось что-то серьёзное, купила цзинь мяса и пошла её навестить. В тот вечер она вернулась поздно и видела того самого гэ'эра из семьи второго дяди Цзян. Он был совсем маленький.

Но, подумав об условиях Лю Хуцзы, она поняла, что упустить такой шанс было бы жаль. Неудивительно, что второй дядя Цзян так торопился.

— Не Чжу гэ'эр, — покачала головой Чжан Дая. — Чжу гэ'эру всего тринадцать, о чём ты, мама.

— Тогда о ком ты? — удивилась госпожа Чжан.

В старшей ветви семьи Цзян был только один гэ'эр, Цзян Сяочжу. Были ещё три девочки, старшая уже замужем, остались две, им было лет по пятнадцать.

— Это из семьи моего третьего дяди, — сказала Чжан Дая. Видя, что мать нахмурилась в недоумении, будто не понимая, о ком речь, она добавила: — Это гэ'эр Хуан Сюлянь из нашей деревни! Его зовут Цзян Сяои. Помнишь? Хуан Сюлянь несколько раз приводила его сюда, ты ещё говорила, что он красивый.

— А, это он! — услышав это, госпожа Чжан всё поняла.

История Хуан Сюлянь несколько лет назад наделала много шума. Это было постыдно, и все за спиной шептались, что Хуан Сюлянь — бесстыдница, и как только семья Хуан могла вырастить такую дочь. Но потом, боясь навлечь на себя гнев Цю Дачжу, никто больше не осмеливался сплетничать.

Госпожа Чжан знала отца Цзян. В молодости он был красивым парнем, выделялся среди деревенских своей внешностью. Не броской, а мягкой, утончённой. Если бы не его красота, Хуан Сюлянь не согласилась бы выйти за него замуж всего через два месяца после ухода Цю Дачжу.

Тогда Хуан Сюлянь была вынуждена выйти замуж из-за беременности, но другой причиной было то, что ей приглянулась внешность отца Цзян.

Цзян Сяои был похож на отца, такой же красивый и утончённый, с глазами, словно звёзды. Когда он приезжал с Хуан Сюлянь, госпожа Чжан часто вздыхала, что такой красивый мальчик обязательно найдёт себе хорошую пару.

Но потом из-за семейных проблем он к девятнадцати, почти двадцати годам так и не вышел замуж. Госпожа Чжан жалела его.

— Ты спросила у них? — сказала госпожа Чжан. — Он хочет жениться? У его отца больная нога, а если он женится, что будет с теми двумя детьми? Я слышала, он хочет остаться дома, чтобы помогать отцу и заботиться о братьях. Не решай за него.

Чжан Дая посмотрела на мать.

— Конечно, спросила. Он согласился, поэтому я и приехала. Раньше Сяоэр и Сяосань были маленькие, их нельзя было оставить ни на минуту, поэтому Сяои не хотел жениться. Но сейчас им уже пять лет, они стали самостоятельнее, за ними не нужно постоянно присматривать. Сяои, конечно, должен подумать и о себе. Ему скоро двадцать, если он сейчас не найдёт пару, то хорошего жениха ему уже не видать. Но у Сяоэра слабое здоровье, — при этих словах Чжан Дая вздохнула.

Цзян Сяоэр в последние дни реже ходил в дом старшей ветви, но раньше он часто бегал к двоюродной бабушке учиться шить. Каждый раз, видя Чжан Дая, он вежливо и звонко называл её «невестка», и это было очень мило.

— Мама, ты бы его видела. Ему пять лет, а он ростом вот такой, худой и маленький, как котёнок, — она показала рукой.

Госпожа Чжан удивилась.

— Не может быть! Он что, ниже твоего трёхлетнего племянника? Но я слышала, что у Хуан Сюлянь близнецы родились с проблемами. Старший — слабенький, так что неудивительно, что он худой.

У Цзян Сяоэра было слабое здоровье, а семья бедная, им и на еду не хватало, откуда взяться мясу на костях. То, что он до сих пор жив, уже можно считать чудом.

Раньше госпожа Чжан слышала от деревенского разносчика, что тот, проходя мимо дома Цзян, видел сыновей Хуан Сюлянь. Они были похожи, но их легко было различить: второй был почти на полголовы выше первого. Первый же был маленьким, болезненным и выглядел так, будто проживёт недолго.

У Цзян Сяоэра была «болезнь богатых». Родись он в состоятельной семье, его бы хорошо кормили и ухаживали, и он бы не так страдал. Но он родился в бедной горной деревне, и никто не мог сказать, сколько он проживёт. По его виду казалось, что недолго.

Люди говорили, что это грехи Хуан Сюлянь отразились на детях.

Ведь она совершила такой постыдный поступок: вышла замуж за Цзян Аня, будучи беременной от другого, обманывала его больше десяти лет, а когда вернулся Цю Дачжу, она так безжалостно бросила его, даже гэ'эра не пожалела, и ушла с дочерью. Разве это по-человечески?

Всё-таки десять лет прожили вместе.

Говорят, одна ночь — сто дней любви. Если бы Цзян Ань бил её, плохо обращался с ней, то её уход ещё можно было бы понять. Но все знали, что Цзян Ань — человек покладистый. Он никогда ни с кем не ссорился. Только в последние годы, когда деревенские дети обижали Цзян Сяосаня, а Цзян Сяои, защищая брата, давал им сдачи, родители тех детей жаловались, что Цзян Сяои слишком жесток. Мол, дети играют, всякое бывает, зачем так сильно бить. Они начинали упрекать Цзян Сяои, а тот, не выдержав, вступал в перепалку. Тогда они припоминали Хуан Сюлянь:

— У такой бесстыжей и бессовестной матери и дети такие же, противные.

— Да ладно, у него же матери нет, что с него взять. Не будем с ним связываться.

Эти слова дошли до отца Цзян, и он, что было на него не похоже, вспылал и с топором пошёл к ним домой.

К тому же, Цзян Ань растил Цю Цуйцуй больше десяти лет. Хуан Сюлянь не оценила этого. Как только вернулся Цю Дачжу, она тут же потребовала развод. Разве так поступают люди?

Два сына, один больной, другой — дурачок. Это всё из-за грехов Хуан Сюлянь.

— Хоть Сяоэр и Сяосань теперь не требуют постоянного присмотра, но они всё же не такие, как все. Моему третьему дяде каждый день приходится ходить в горы за дровами. Если Сяои женится, ему придётся часто возвращаться домой, — спросила Чжан Дая. — Мама, как думаешь, моя тётя согласится?

Этого госпожа Чжан сказать не могла. Ведь какая замужняя женщина постоянно бегает в дом родителей?

— Откуда мне знать, что у твоей тётки на уме. Но раз ты взялась за это дело, значит, тот гэ'эр Цзян — хороший парень. Может, твоя тётка и согласится.

— Сяои, конечно, хороший. Трудолюбивый, почтительный. Работает лучше меня. Если бы мой брат ещё не нашёл себе пару, я бы его ему сосватала, — с сожалением сказала Чжан Дая.

Не ленивый ли, почтительный ли, плодовитый ли, нет ли в семье скандальных родственников — вот на что смотрели в деревне, когда выбирали жену или фулана. Если всё подходило, то свадьба была почти решённым делом.

— Тогда после обеда сходи к своей тётке, поговори с ней. Семья у этого гэ'эра Цзян, конечно, не ахти, но сам он хороший парень. Жалко, если он пропадёт в другой семье. Если всё получится, то мы станем родственниками. Возьми с собой несколько яиц. Ты всё-таки теперь замужняя, нехорошо приходить в гости с пустыми руками, — сказала госпожа Чжан.

— Я знаю, — ответила Чжан Дая.

Госпожа Чжан и её сестра, госпожа Лю, обе вышли замуж в эту деревню. Их дома были недалеко друг от друга. Чжан Дая, посидев немного, отправилась к Лю.